

Лина Ярош

**БОГОДУХОВЕННАЯ МИССИЯ СОЗДАТЕЛЕЙ
ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА**

24 мая православная церковь празднует память святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Историческая литература всесторонне исследовала моравскую миссию св. братьев, сыгравшую особую роль в христианизации Руси, изменившую политическую и культурную ситуацию как в славянском мире, так и в Европе.

Историки свидетельствуют, что христианизация славян началась задолго до крещения Болгарии, Руси, сербов. Это связано с поселением славян в первой половине VI в. в окрестностях Фессалоники, на Пелопоннесе и в Македонии. Способность славян понять душу другого народа и сродниться с ним способствовала возникновению своеобразного духовного и культурного феномена. И хотя богослужение в областях Византии с греко-славянским населением велось на греческом языке, проповеди там произносились и по-славянски (см.: [4, с. 2]). «Следовательно, в недрах Византии в течение длительного времени, на протяжении, во всяком случае, двух столетий, проходила незаметная подспудная работа выработки славянского богословского и литературного языка, что создало необходимый лингвистический базис для перевода св. братьями на славянский язык Священного Писания и богослужебной литературы» [5, с. 12].

Что касается Киевской Руси, то к концу 9 столетия её северная часть находилась под скандинавским влиянием, а южная испытывала влияние Византии и хазар. Убедительна точка зрения тех авторов, которые подчеркивают особую роль православной Церкви как организованной и централизующей силы, формирующей единство славянских народов. И в этом смысле уникально значение церковнославянского языка, принятого православной церковью для славян как богослужебный. Для славян стали доступны знания, накопленные Византией и полученные ею в наследство от античной цивилизации, исторический опыт юридических и этических норм, духовных ценностей, художественных идеалов. Нельзя отрицать, что письменность у славян, в том числе и на Руси, существовала и до Кирилла.

Для узкоутилитарных, хозяйственных целей использовались какие-то знаки, типа «черты и резы» [1, с. 4]. Для подобной цели заимствовались также греческие или латинские письмена. Тем не менее, семя, посеянное св. братьями имело особые плоды. Посредством восприятия христианского вероучения и мировоззрения совершился грандиозный прорыв в области самосознания древних славян. В судьбе

языка это выразилось в преобразовании регионально-племенных диалектов в национальные языки.

Сколь бы ни были убедительны исследования причин материального, политико-экономического характера развития славянских народов и их языков, невозможно отрицать тот факт, что христианизация Руси оказалась решающим импульсом в самоопределении населявших её народов, преломленным через особенности конкретно-исторического бытия. Церковно-славянская речь стала действенной силой и соборной средой ваяния славянской души.

Миссия св. братьев вписывается в рамки вселенской церковной политики великого Константинопольского патриарха Фотия, тем более, что Константин Философ был его учеником и вернейшим другом.

Вполне конкретные чаяния относительно миссии св. Братьев имела римско-католическая церковь, прежде всего в лице папы Николая I. Но деятельность Кирилла и Мефодия проявилась как некое отклонение от политики папства. В силу этого Рим стал препятствовать возрастающему авторитету св. братьев. После смерти Кирилла в 869 г. баварские епископы осудили Мефодия на пожизненное заточение, хотя через два с половиной года выпустили. Учеников Кирилла и Мефодия после смерти последнего в 885 г. изгнали из Моравии, а славянское богослужение запретили. Тем не менее, сказанное свидетельствует, прежде всего, о готовности Западной Европы и, прежде всего, стран, объединенных влиянием Византии, к встрече с народами Киевской Руси и другими славянскими народами.

Деятельность св. братьев протекала в период богословских споров по поводу добавления *Filioque* к Символу веры, утвержденного в Испании на Толедском соборе в VII веке. Споры сопровождалась рядом политических и церковных недоразумений, нарастанием консервативно-охранительных тенденций в церковном строительстве и нетерпимостью к инакомыслию. Усиливалось опасливое отношение к переводам Писания. Подобные опасения были не беспочвенны, т. к. новые переводы и толкования Библии порой были следствием еретических движений, проявлением инакомыслия. Так называемые «треязычники» отстаивали право трех языков прославлять Бога – еврейского, греческого и латинского, т. к. эти языки были освящены причастностью к событию на Голгофе. Евангелист Лука повествует о распятии Христа: «И была над Ним надпись, написанная словами Греческими, Римскими и Еврейскими: Сей есть Царь Иудейский» (Лк. 23, 38). Авторитет апостольского свидетельства освящал правомерность перевода Священного Писания на греческий и латынь. «Септуагинта», составившая канон христианского Ветхого Завета, выполнена эллинизированными иудеями в III–II вв. до н. э. в Александрии. Перевод Ветхого Завета на латынь, вошедший в

историю под именем «Вульгата», осуществлен Иеронимом с 384 по 405 гг. Богослужение в Западной и Центральной Европе проходила на латыни, а в Византии – на греческом языке.

Создание церковнославянского языка – это уникальное событие в истории, которое историки, чаще всего, рассматривали в качестве простого следствия политики как западной, так и восточной церкви. Житие св. Кирилла и Мефодия свидетельствует, что путеводной нитью их жизненного подвига было служение Духу Евангелия. В I-м Послании к коринфянам ап. Павел указывает на значение языка в устройстве церковной жизни: «Но, если я не разумею значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец» (1 Кор. 14, 11). «Ибо, когда я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода» (1 Кор. 14, 14). «Ибо, если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина как скажет «аминь» при твоём благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь» (1 Кор. 14, 16). «Но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтоб и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке» (1 Кор. 14, 19). «Если вся церковь сойдется вместе, и станут говорить незнакомыми языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, – то не скажут ли, что вы беснуетесь?» (1 Кор. 14, 23).

Призвание св. братьев свершалось в своей глубинной сути как служение делу «откровения тайны, о которой от вечных времен было умолчано, но которая ныне явлена, и чрез писания пророческие, по повелению вечного Бога, возвещена всем народам для покорения их вере» (Рим. 14, 24–25).

Слово, приглашенное св. Кириллом и Мефодием к славянским народам, свидетельствует о том, что, как священники, они следовали богодухновенной миссии пробуждения душ людей к постижению Бога.

Прогласие есмь святому Евангелию:

- Как пророки прорекли это прежде,
Христос грядет собирать народы,
Ибо Свет есть всему миру сему.
- 5 Это было в девятом веке
Сказали они: слепые прозрят,
Глухие услышат слово буквенное.
Бога же поэтому познать должны.
Того же ради слушайте славяне,
- 10 Ибо дар сей есть от Бога дан,
дар Божий есть праведный удел,
дар душам, никогда телам,
душам тем, которые и примут.

Матфей, Марк, Лука и Иван
15 учат весь народ, глаголя:
Те, кто своих душ красоту
видит, любите радоваться этому,
греховную тьму отгоните
и мира сего дела отложите
20 и райское житие приобретите
и избежите огня горящего
Слушайте ныне от своего ума,
слушайте славянский народ весь,
слушайте слово, от Бога придет,
25 слово же пища человеческой душе,
слово же укрепляет и сердце и ум,
слово готовит Бога познать.
Как без света радость не будет
оку видеть Божию тварь всю,
30 все ни лепо ни видимо есть,
так и душа всякая без букв,
не узнает Закона Божия,
закона книжного и духовного,
закона, Рай Божий являющего.
35 Так как те, которые грома раскаты
не слышат, Бога могут ли бояться?
Ноздри же опять, цветы не обонявшие,
как Божие чудо разумеете?
Так как уста, которые сладость не чувствуют,
40 как каменного делают человека.
Более же сего душа безбуквенная
Является в человеке мертва.
Это все мы, братие, осмысливаем
Словом, свету подобным,
45 которое человека весьма отличает
от жития скотского и похоти,
да не имейте ум неразумен,
подобно язычникам, слушающим слово
как медного звона глас слышите.
50 Ибо святой Павел учит изрекая:
Молитву свою воздай прежде Богу,
когда хочешь слов пять изречь
с разумом /своим беседовать/
чтобы и все братья разумели,
55 нежели те слова неразумные.

- Которые человек не разумеет
которые не умножат притчи мудрые,
повествующие беседы истинные нам?
Так же как тело платьем сокрыто,
60 все тленное хуже язвы гниющей,
когда своей пищи не имеет,
так и душа всякая лишается жизни,
Божией не имея жизни,
когда Слово Божие не слышит.
- 65 Иные же еще, притчи мудрые очень
пусть словом люди полюбят их,
желающие расти Божиим ростом.
Кто веры сей не ведает праведной?
Как семена упавшие на ниву,
70 так в сердца человеческие,
даны Божии буквы необходимые,
да взрастет плод Божий лучше.
Кто может притчи все /изреченные/,
сообщить без книг народам,
75 в словах смысла не имеющих.
Нет, что не умеют народы все,
может открыть немощь сих.
Только свои догадки прилагая,
большой ум в малые речи искажается
- 80 ибо нагие и босые без книг народы
борются не способные без оружия
с противником без оружия
с противником душ наших
готовящим муки вечные плена.
Коего, потому врага, народы, не любите,
- 85 Боритесь же с ним размышляя много,
отворяя прилежно уму двери,
оружие принимая твердое ныне,
что говорят книги Господние,
голове причиняя весьма затруднения.
- 90 Буквами этими, тому кто примет
мудрость, Христос глаголит
и душу вашу /буквами/ укрепляет,
апостолы с пророками всеми.
Потому что те, кто слова эти произносит
- 95 способны будут врага убить
победу принося к Богу стойко,

опаляя ведением тела гниющие
освещая жизнь ту, что как во сне
не падайте, крепко же стойте,
100 к Богу приближаются лишь храбрые,
стоят одесную Божию престола,
всегда огненным поядающего языком,
падшие с ангелами во веки
постоянно славьте Бога милостивого
книжными всегда песнями
Богу имеющему к человеку милость.
Тому подобает всякая слава,
честь и хвала, Божию Сыну, вместе
с Отцем и Святым Духом
110 во веки веков от всего мира.
Аминь.

(Перевод с церковно-славянского мой – Л.Я.) [6, с. 278–281].

Так же, как отдельный человек, разные народы проходят определенные этапы как материального, так и духовного развития. Языческое мировосприятие соответствует тому уровню развития духовного потенциала человека, когда доминируют родовые стереотипы мышления, опирающиеся на традицию доверия к свидетельствам внешних чувств. Это период как бы полусонного отношения к действительности, где определенные эмоциональные состояния переживаются по аналогии с природными катаклизмами. Мысль направлена, прежде всего, на различение явлений внешнего мира, на решение проблем внешнего существования в природной и социальной среде. Не случайно лексикон любого национального языка приспособлен, по преимуществу, для ориентации во внешней среде обитания. Причем, структуру языка определяют слова, имеющие общезначимый, и в силу этого, как бы, объективный смысл.

Герменевтические аспекты религиозной коммуникации имеют некоторые общие проблемы донесения информации как устной, так и письменной в переводе на другой язык. Проблема понимания является определяющей и обуславливает поиск тех языковых средств, которые наиболее адекватно передают содержание первоисточника. Различное понимание, порождающее конфликты, возникает в силу множества факторов, а именно: специфики национального языка, порожденного духом народа, его среды обитания, традиции; личности и квалификации переводчика, цели перевода. Если говорить о цели перевода, то нужно учитывать, что языки (например, искусственные) не только открывают содержание переводимого текста или сообщения, но могут и скрывать истинные смыслы от профанов, шифровать. Итак, несомненно, что

история культуры в целом, а тем более языковедения свидетельствует о том, какие трудности возникают при переводе сообщений относительно объектов равно доступным носителям различных национальных языков, т. е. языков в горизонтальном аспекте использования, обусловленном чисто земными, житейскими обстоятельствами.

Что же касается проблемы донесения истин Священного Писания новообращенным или, если еще точнее, пробуждения сознания народа для восприятия иного измерения реальности, формирования способности воспринимать и понимать слово Бога (божественное откровение), то можно предполагать, что Кирилл и Мефодий столкнулись со следующей дилеммой. С одной стороны, апостол Павел говорил, что лучше учить на понятном языке, иначе люди «не назидаются». С другой стороны, перевод на простой (профанный) язык может сопровождаться утратой святости. Св. братья избрали третий путь – создания таких языковых форм, лексические, грамматические и стилистические особенности которых свободны от профанных смыслов и способны нести аутентичное содержание Священного Писания как своего первоисточника. В споре со своими противниками Константин Философ убедительно аргументировал соответствие своего дела идее откровения Господня: «Не идет ли дождь от Бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли мы все вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими? Скажите мне, зачем делаете Бога немощным, как если бы не мог дать народам своего письма, или завистливым, как если бы не хотел дать? Мы же знаем многие народы, что владеют искусством письма и воздают хвалу Богу каждый на своем языке» [3, с. 88–89].

Церковнославянский язык никогда не был обретением только одного народа. Он не является продолжением разговорного или литературного диалекта. Он был и есть языком воцерковления всех славян. Более того, с распространением и укреплением христианства на Руси, начиная с XII ст., отмечается тенденция формирования украинского и русского языков. Но весьма длительное время, несколько столетий церковно-славянский язык выполнял функцию также языка высокого стиля – языка культуры, книги, официальной документации, средства выражения богодухновенной правды. Можно утверждать, что церковнославянский язык имел решающее влияние на формирование как русского, так и украинского литературных языков, будучи средством наиболее точного выражения высших религиозных ценностей.

Вяч. Иванов проводит аналогию воздействия церковнославянского языка на языки народов Руси с таинством крещения, а дело Кирилла и Мефодия оценивает как духотворное и преображающее. «Воистину

феургическим представляется их непостижимое дело, ибо видим в нем, как сама стихия славянского слова самопроизвольно и любовно раскрывалась навстречу оплодотворяющему ее наитию, свободно поддавалась налагаемым на неё высшим и духовнейшим формам, отклоняя некоторые из них как себе чуждые и порождая взамен из себя самой требуемые соответствия, не утрачивая ни своей лексической чистоты, ни самородных особенностей своего изначального склада, но обретая в счастливом и благословенном браке с эллинским словом свое внутреннее свершение и полноту жизненных сил вместе с даром исторического духовного чадородия» [2, с. 355].

Церковно-славянский язык является языком особого назначения. Название «церковный» указывает на употребление его в церковном богослужении, а название «славянский» указывает на то, что им пользуются славянские народы. Можно предполагать, что Кирилл и Мефодий прозревали особую роль церковно-славянского языка в формировании близких по происхождению народов, смысл свершения которой открывается через единство в Духе.

1. (Гаманович) Алипий, иеромонах. Грамматика церковно-славянского языка.- М,1991
2. Иванов В. Наш язык // Вехи. Из глубины.- М., 1991.
3. Сказания о начале славянской письменности.- М., 1981
4. Флоря Б. Н. Славянская письменность и европейская культура раннего средневековья.- М., 1985.
5. Экономцев И. Н. Православие. Византия. Россия.- М., 1992.
6. Markus Osterrieder Sonnenkreuz und Lebensbaum Irland, der Schwarzmeer-Raum und die Christianisierung der europäischen Mitte.- Stuttgart, 1995.